

КОНСУЛЬТАЦИИ

УДК 316.343.643
ББК ТЗ.(2)-282.2

МИФ О «КУЛАКЕ». ТЕРМИН «КУЛАК» И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНЫМ ТИПАМ КРЕСТЬЯНСТВА

Л. В. Захаровский

Трансформация нашего общества в XX в. полностью изменила уклад жизни, социальный портрет и менталитет российского крестьянина. Наиболее мощное воздействие на него оказала политика «ликвидации кулачества как класса», проводившаяся в 30-е гг. Значительное внимание исследователей к этой теме не ослабевает, но продвижение в ее изучении сдерживается, в том числе тем, что используемый терминологический аппарат вызывает вопросы, допускает самые разные трактовки, и зачастую, это ставит под сомнение как привлекаемые данные, так и полученные на основе их анализа выводы.

Наиболее спорным (и важным) среди терминов аграрной истории, безусловно, остается термин «кулак». Современная учебная литература, как правило, не содержит попытки комплексного определения данного термина. Некоторые учебные пособия (В. А. Поцелуев «История России XX столетия») определяют кулацкое хозяйство как ведущееся с применением «наполовину своего, наполовину наемного труда». Другие (А. Н. Боханов, М. М. Горяинов, В. П. Дмитренко «История России с древнейших времен до конца XX века») отождествляют кулаков с зажиточным крестьянством. Третьи, (А. А. Данилов «История России, XX век») объединяют признаки эксплуатации и зажиточности. Отсутствие комплексного, общепринятого и соответствующего исторической реальности определения приводит к тому, что современная учебная литература, несмотря на всю новизну подходов, продолжает оперировать мифическими образами, созданными в прошлом.

С нашей точки зрения, корректная трактовка понятия кулак, его адекватная связь с конкретными группами крестьянства, в том числе в учебной литературе при рассмотрении истории 30-х гг., массового раскулачивания, возможна лишь при учете условий происхождения и эволюции данного термина, имеющего собственную богатую историю.

А. С. Пушкин в «Истории села Горюхина» (впервые опубликована в 1837, написана осенью 1830), дает характеристику его населения. Приказчик «потребовал опись крестьянам, разделил их на **богачей и бедняков...** Недостаточные и празднoлюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их **в батраки другим крестьянам.** Всякая общественная повинность падала на **зжиточ-**

ных мужиков... Половина мужиков была на пашне, а другая служила в **батраках...**» [1, с. 125–126].

Таким образом, само явление работы одних крестьян у других имело место, существовал и термин «батрак» – наемный работник; термин же «кулак», которым впоследствии стали называть сельского нанимателя, эксплуататора деревенской бедноты, Пушкин не употребляет.

Н. В. Гоголь в «Мертвых душах», напротив, пользуется им неоднократно, причем одновременно и раскрывает его значение. «Кулак» – очень объемная характеристика, одна из главных, которой Чичиков награждает Собакевича: «Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захоластная жизнь, хлебные посева, возня с мужиками, и ты через это сделался то, что называют **человек-кулак**» [2, с. 96]. «Кулак» здесь не просто человек приземленный, но и стяжатель, рвач: «По два с полтиной содрал за мертвую душу, чертов кулак» [2, с. 98].

Трактовка термина «кулак» в «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863–1866) В. И. Даля отражала словоупотребление первой половины XIX в.: «Перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик. Живет обманом, обсчетом, обмером».

Применение термина «кулак» по отношению к деревенскому нанимателю-эксплуататору начинается вслед за возникновением в Европе марксистской теории. Так, в 70-е гг. XIX в. в письмах «Из деревни» А. И. Энгельгардта под кулачеством понимаются уже любые формы кабальной эксплуатации, включая и производство.

Развитие имущественного расслоения крестьянства после 1861 г. нашло отражение и в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. По его произведениям изучал ситуацию в русской деревне К. Маркс. Салтыков-Щедрин, однако, использовал по отношению к крестьянам использовавшим наемный труд термин не «кулак», а мироед. Например, в сказке «Путем-дорогою» (после 1880) описан мироед Василий Игнатьев: «Однодворицу выкупил, да надел на семь душ! Совсем из мира уволился, сам барин ... теперь мир ему в ноги кланяется, как придет время подать вносить. Миром ему и сенокос убирают, и хлеб жнут» [3, с. 263].

В. О. Ключевский в работе «Добрые люди Древней Руси» (впервые опубликована в 1892 г.), также употребляет термин «кулак»: «В 1609 г. второй самозванец осаждал Москву... В столице наступил страшный голод. Хлеботорговцы устроили стачку, начали всюду скупать запасы и ничего не пускали на рынок, выжидая наибольшего подъема цен... Царь Василий Шуйский приказал продавать хлеб по указной цене – торговцы не слушались ... в Успенский собор созвано было небывалое народное собрание. Патриарх Гермоген сказал сильную проповедь о любви и милосердии; за ним сам царь произнес речь, умоляя **кулаков** не скупать хлеба, не поднимать цен» [4, с. 86]. Здесь кулаки – торговцы хлебом, спекулянты, устроившие стачку.

Литературным прототипом «кулака» являлся и Ермолай Лопухин (персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», 1904). Среди прочих действующих лиц

он назван купцом. Однако Лопехин сообщает Раневской, что ее брат «... говорит про меня, что я хам, я **кулак**» [5, с. 35]. По тексту пьесы характеристику Лопехина можно составить практически только из его собственных слов: «... отец мой покойный – он тогда здесь на деревне в лавке торговал» [5, с. 26], «... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком» [5, с. 26], «Я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие...» [5, с. 57], «Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого» [5, с. 83]. Единственная чужая оценка дана вечным студентом Трофимовым: «Вот как в смысле обмена веществ нужен дикий зверь, который съедает все, что попадает к нему на пути, так и ты нужен» [5, с. 56].

Лопехин покупает на аукционе имение Раневской, чтобы снести старый дом и вишневый сад и освободившуюся землю ради прибыли сдать дачникам. Очевидно, что в характеристику «кулак» Чехов в начале XX в. вкладывал тот же смысл, что и Гоголь. Кулак – это **делец**, не обремененный моралью, **тесно** (происхождением либо сферой деятельности) **связанный с землей**, но **не крестьянин**. Кулаком могли назвать представителя любого сословия – и помещика (Собакевич), и купца (Лопехин).

Таким образом, понимание «кулака» как крестьянина – эксплуататора в России XIX – начала XX в. не было распространено. Тогда синонимами его выступали перекупщик, не слишком чистоплотный торговец, плут, рвач, стяжатель, маклак, барышник, ростовщик, спекулянт.

Интересно, что и В. И. Ленин, создатель теории построения социализма, включавшей необходимость ликвидации эксплуататорских классов (в том числе «кулачества»), в своих работах, написанных до Октября 1917, предпочитал употреблять в отношении крестьян, использовавших наемный труд, определение не «кулаки», а «хозяйчики»: «крестьяне распадаются на пролетариев и **хозяйчиков**, которые нанимают наемных рабочих» [6, с. 95]. Активное использование Лениным термина «кулак» начинается весной – летом 1918 г., когда по стране проходила волна антибольшевистских выступлений зажиточного крестьянства. Именно тогда по отношению к ним и начинает применяться термин «кулаки», имевший сильное негативное значение и гораздо лучше, чем «хозяйчики» подходивший для политического ярлыка.

Проблема хозяина – одна из важнейших для развития отечественной деревни в начале XX в.. Именно к ней обращаются все виднейшие политики и государственные деятели в поисках решения аграрного вопроса, который в России воистину обладал свойствами птицы феникса [7, с. 73]. Любая аграрная политика послереволюционного периода – продразверстка, нэп, сплошная коллективизация – представляют собой тот или иной вариант решения проблемы хозяина.

Анализ этой проблемы требует определения социальных типов, на которые делилось крестьянство и их соотношения с традиционным делением на бедняков, середняков и кулаков. Интересно, что Столыпин, как и Ленин, раз-

мышляя о предреволюционном крестьянстве, выделял в нем два основных типа. Столыпин трактовал знаменитый указ 9 ноября 1906 г. как выбор между крестьянином-бездельником и крестьянином-хозяином [7, с. 23]. Усреднив крайние оценки этих выдающихся исторических личностей, можно сказать, что основными типами крестьянства являлись крестьянин-хозяин, индивидуалист по природе и крестьянин-уравнитель, тяготеющий к общинной уравнительной традиции, коллективной морали.

Примеры борьбы подобных типов крестьянской психологии дает нам и история других стран во время перехода к капитализму. В Англии в середине XVII в. «истинные левеллеры» (левеллер – буквально уравнитель) – диггеры, выступали против частной собственности на землю, требовали равного раздела земли между трудящимися.

Это деление, как нам кажется, можно отнести и к крестьянству 1920–30-х годов. Так И. В. Сталин, в декабрьском разговоре 1931 г. с Э. Людвигом, говорит о незначительной буржуазной прослойке крестьянства – кулачестве и здесь же объясняет психологию остальных крестьян: «Уравниловка имеет своим источником ... психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского коммунизма» [8, с. 119]. То есть выделены те же типы – хозяин и уравнитель.

Отождествляя крестьянина-хозяина с кулаком и Л. Д. Троцкий: «К 1927 г. обнаружилось то, что грамотный экономист знал и раньше... Кулак хотел землю в полную собственность. Кулак хотел иметь право свободного распоряжения всем своим урожаем» [9, с. 243]. Однако такое отождествление едва ли оправданно. Условия нэпа позволяли крестьянину-хозяину поднимать свое хозяйство собственным трудом. Зажиточный крестьянин этого периода не был связан с дореволюционным кулачеством, экспроприированным в годы гражданской войны. В момент начала нэпа все крестьяне находились в примерно равных условиях, и поэтому поднять хозяйство можно было лишь за счет собственного труда и расчетливости. Постепенная дифференциация крестьян, конечно, создавала условия для эксплуатации, но не исключала возможности ведения успешного «трудового хозяйства».

Определение хозяин, особенно после 1917 г., имело скорее ментальный, чем юридический смысл, отражало различные варианты крестьянской психологии. Поэтому данное разделение деревни отличается от традиционного, имеющего в основании имущественные критерии. Сами крестьяне в 20-е годы зачастую не понимали, к беднякам они относятся или середнякам, середнякам или кулакам – свидетельствуют письма в «Крестьянскую газету» [10, с. 118, 209]. Понятия хозяин и кулак, уравнитель и бедняк, не являлись на деле тождественными. Психологией хозяина обладали и часть середняков и бедняков. Это очень ярко проявилось с началом сплошной коллективизации, когда значительная часть середняков и бедняков упорно сопротивлялась обобществлению своих средств производства. Коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» фактически были направлены на поддержку и насажде-

ние психологического типа уравниателя – коллективиста и уничтожение (через выселение) психологического типа хозяина (объявленного хозяйчиком-кулаком). Этим и определялись известные массовые случаи раскулачивания середняков и даже бедняков.

Подмена понятий хозяин и кулак – эксплуататор, базировалась на теоретических построениях В. И. Ленина, еще до революции (в работе 1913 г. «Крестьянство и рабочий класс») исключавшего возможность существования хозяина – трудового крестьянина: «Так называемый трудовой крестьянин есть на самом деле мелкий хозяйчик или мелкий буржуа... Сладенькое словечко: «трудовой крестьянин» только обманывает рабочего, прикрывая ... эксплуатацию чужого труда» [11, с. 179, 180]. Отождествляя понятия хозяин и эксплуататор, Ленин все же признавал, что «дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков, есть дело, требующее поколений» [11, с. 194].

Борьба с хозяином и психологией хозяина в ходе коллективизации – ключевая причина трагедии отечественной деревни. Немедленно возникает бесхозяйственность. В 1932 г., объясняя мотивы выхода из колхоза (за январь – сентябрь из колхозов Урала вышли 54053 хозяйства), крестьяне именно бесхозяйственность в колхозе выдвигали в качестве главной причины: «Плохо у нас хозяйствуют ... все привода у молотилок сломаны и не ремонтируются ... ячмень сеяли худшую землю, а овес на навозную ... за машины, за телеги, за сбрую никто не отвечает ... за ними не смотрят» [12]. Аналогичные факты приводились в периодической печати, советскими писателями, например, М. А. Шолоховым в статье «Преступная бесхозяйственность» [13, с. 78–81]. Более глубинным последствием борьбы с психологией крестьян-хозяев стала их маргинализация – реальная жизнь вошла в противоречие с образом мышления, поменять который одномоментно нельзя.

Колхозный крестьянин декларативно также назывался хозяином, но реально себя таковым не ощущал, хотя Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС заявлял: «Колхоз – кооперативное хозяйство. В нем все колхозники являются хозяевами» [14, с. 72]. Переход к экстенсивному пути увеличения сельскохозяйственного производства – освоению целины – свидетельствовал о невозможности добиться интенсификации производства в колхозе, несмотря на огромные усилия по механизации и электрификации сельского хозяйства.

Литература

1. Пушкин А. С. Сочинения в 10 тт. – М.: Правда, 1981. – т. V.
2. Гоголь Н. В. Мертвые души. – М.: Московский рабочий, 1982.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1953.
4. Ключевский В. О. Исторические портреты. – М.: Правда, 1991.
5. Чехов А. П. Вишневый сад. – М.: Дет. Лит., 1980.

6. Ленин В. И. Сочинения. – Изд-е 4. – М.: ГИПЛ, 1953. – т. XX.
7. Аверех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Политиздат, 1991.
8. Сталин И. В. Сочинения. – М.: ГИПЛ, 1953. – т. XIII.
9. Троцкий Л. Д. Сталин. – в 2 т. – т. 2. – М.: Терра, 1996.
10. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989.
11. Ленин В. И. Сочинения. – т. XIX.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области – ЦДООСО. Ф. 4: Уралобком ВКП (б). Оп. 10. Д. 269. Л. 281.
13. Шолохов М. А. Собрание сочинений. – т. VIII. – М.: Молодая гвардия, 1959.
14. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. – М.: ГИПЛ, 1956. – т. 1.